

Гейл

Соглашаясь на интервью в прямом эфире, Гейл Митчелл и представить не могла, что скоро ее жизнь зрелищно рухнет перед столь обширной аудиторией. Интервью она давала часто и потому от очередного разговора с журналистом не ожидала ничего особенного. Слегка скучая, Гейл спокойно наблюдала, как группа готовит помещение к съемке. Прожекторы, как обычно, ослепляли и отбрасывали в пространство столько жара, что можно было бы запечь говяжий окорок. Несмотря на прохладу, дарованную усердно работающим кондиционером, тонкая ткань черного платья прилипла к бедрам.

Огромные окна от пола до потолка позволяли увидеть раскинувшийся внизу город. Гейл считала его самым потрясающим в мире. И одним из самых дорогих. Впрочем, теперь об этом ей не было нужды беспокоиться. Когда-то он чуть не погубил ее, когда-то очень давно. Теперь воспоминания приносили только удовлетворенность, ту же, что она испытывала всякий раз, глядя вниз отсюда, с вершины мира, — из своего кабинета на пятидесятом этаже. Он стал символом ее победы. Брошенный вниз острый взгляд похож на удар стилетом в лицо врага. «Я выиграла». Она больше не была частью толпы, снующей внизу, как

по дну каньона, по холодным улицам Манхэттена, не принадлежала к этим людям, изо всех сил старающимся выжить в городе, который пожирает слабых и уязвимых. Удобное место в угловом офисе позволяло разглядеть Эмпайр-стейт-билдинг, Рокфеллер-центр и зеленую полосу Центрального парка вдальке.

Гейл поерзала на стуле, когда чьи-то руки принялись поправлять ее волосы и макияж. Режиссер обсуждал с оператором ракурсы и свет, сидящая напротив молоденькая ведущая утренней программы лихорадочно изучала записи.

Рошель Барнард. Сколько ей? Чуть за двадцать? Сама Гейл была на пару лет моложе, когда начинала свое восхождение. Она всегда умела увидеть и оценить потенциал в людях, а у Рошель он безусловно был. Гейл видела его в глазах, жестах и движениях тела, в манере и поведении. В прошлом женщины таилось еще кое-что, и оно не укрылось от глаз Гейл — голод. Он — лучший стимул, уж ей это хорошо известно.

Она по-настоящему голодала, а не просто часто недоедала. И утопала в отчаянии. Обычно ей удавалось не вспоминать те дни. Сейчас все изменилось, она стала другой и может позволить себе предложить помощь молодой женщине, которая в ней нуждается.

— Десять минут, мисс Митчелл.

Гейл наблюдала, как специалист по освещению устанавливает отражатель. В некотором смысле она делала то же самое: направляла свет на людей. Не будь ее, они бы так и остались в темноте. Она изменяла чужие жизни, и сейчас перемены ждали сидящую напротив молодую женщину.

— Отложи записи, — обратилась к ней Гейл. — Они тебе не нужны.

Рошель подняла глаза:

— Здесь вопросы, которые мне велели задать. Я получила их пять минут назад.

«Конечно, ведь они ждут, что ты будешь спотыкаться и в конце концов упадешь», — подумала Гейл.

— А ты бы хотела задать мне эти вопросы?

Взгляд журналистки скользнул по бумагам, и она нахмурилась:

— Честно? Нет. Но они по темам, которые мне поручено осветить в интервью.

Гейл подалась вперед:

— Ты всегда поступаешь так, как тебе велят?

— Не всегда. — Рошель качнула головой.

— Рада слышать. Я не ошиблась, считая тебя другой. Я ведь смотрела твой короткий репортаж из Центрального парка на прошлой неделе.

— Вы его видели?

— Да. Замечательные вопросы, и ты не дала шанса той увертливой крысе уйти от ответов.

— Не из-за того ли интервью вы попросили сегодня прислать меня?

— Ты произвела на меня впечатление человека с неиспользованным потенциалом.

— Благодарю вас за предоставленную возможность. — Рошель расправила плечи и пригладила юбку. — Даже не верится, что я здесь. Обычно все громкие интервью отдают Говарду.

Почему люди с такой готовностью мирятся с неблагоприятными обстоятельствами? Не спешат осознать свою силу? Конечно, путь к власти сопряжен с риском, и, видимо, они не хотят рисковать.

— Вещи остаются такими, какие есть, пока мы сами их не изменим, — уверенно произнесла Гейл. — Будь дерзкой и смелой. Реши, чего хочешь, и добивайся цели. Не раздумывай, если по пути придется кого-то оттолкнуть, — действуй.

Гейл закрыла глаза, почувствовав, как чьи-то пальцы, поправив прядь волос, поднесли к ее голове баллончик с лаком.

— Используй шанс задать мне те вопросы, которые Говарду Бэнксу и в голову не пришли бы.

«Что совсем не сложно, — подумала она про себя. — Этот мужчина обладает воображением и привлекательностью буханки черствого хлеба». Говард брал у нее интервью лет десять назад, смотрел покровительственно, чуть свысока. Приятно знать, что он был взбешен ее просьбой прислать самую молодую девушку из команды журналистов. Хотелось верить, что этот жест нанес удар не только по его самолюбию, но и по тому чувствительному месту мужского тела, которое, по мнению Говарда, давало ему преимущество перед ней.

— Если я не выполню их требования, это может стоить мне места.

Гейл приоткрыла один глаз:

— Нет, если результат будет лучше, чем они ожидают. Тебя не уволят, если рейтинги поднимутся. Что там в списке вопросов? Подожди, дай угадаю... Как мне удается заниматься и работой, и личной жизнью, а также, будучи женщиной, преуспевать в мире мужчин?

Скучно. Как же скучно.

Рошель весело рассмеялась:

— Вы определенно стали профессиональным респондентом.

— Думай о людях, которые нас смотрят. О том, какой вопрос они хотели бы мне задать. Что хотела бы услышать женщина, мечтающая изменить свою жизнь? Или добиться успеха в карьере — *как ты, например*, — в то время как ее постоянно зажимают, оттесняют? Что было бы интересно узнать этой женщине?

Рошель аккуратно сложила лежащие на коленях листы.

— Мне было бы интересно узнать ваш секрет: как вы справляетесь со всем? И как справлялись, когда делали первые шаги, когда у вас ничего этого не было? Вы начали с нуля. Учились в колледже и работали в трех местах. Сейчас вы одна из самых успешных женщин в деловом мире.

Вы преобразовывали компании и людей. Возможно, какой-то ваш опыт будет полезен и мне. Могли бы вы изменить меня? Очень бы хотелось, чтобы к концу программы я испытывала такой эмоциональный подъем, что позвонила бы на телевидение и поблагодарила создателей.

— И ты полагаешь, что тебя за такое уволят?

Женщина смотрела на Гейл, не моргая.

— Нет, я так не думаю. — Она отбросила стопку бумаг на стол. — Что со мной не так? Я по нескольку раз прочитала все ваши книги, но собиралась задавать вопросы, которые мне навязали. В вашей последней книге мне больше всего понравились слова о том, что ожидания других людей сдерживают нас, словно поводья. В колледже вы были кумиром для всех нас. — Она прижала ладонь к груди. — Знакомство с вами — лучший подарок на Рождество.

— Рождество?

— До него ведь всего несколько недель. Обожаю этот праздник. А вы?

Гейл ненавидела этот праздник. Ей не нравилось, что все закрывается, не нравились толпы на улицах и безвкусовые украшения. Не нравились прилипшие кусочками клейкой ленты воспоминания.

— Разве ты не достаточно взрослая, чтобы так радоваться Рождеству?

— Вовсе нет, — рассмеялась Рошель. — Обожаю, когда собирается вся большая семья. Наряжают огромную елку. У камина раскладывают подарки. Знаете, такие вещи...

Гейл повернулась к визажисту, державшему в руках помаду:

— Только не этот ужасный коричневый. Возьмите красную.

— Но...

— Красную. Губы не должны быть невыразительными, будто размазанными. Я желаю видеть себя с красной помадой. У меня в сумочке есть как раз подходящего цвета.

Суета, препирательства, и наконец нужная помада найдена. Гейл не шевелилась, ожидая, когда визажист закончит работу.

— Не уппусти возможность, Рошель. Хватайся и используй ее. Если ты понравишься зрителям, начальство не станет тебя от них прятать.

Все. Дело сделано.

У Гейл был талант вдохновлять, и ей нравилось давать людям шанс, которого не было у нее самой. Остальное зависит только от них.

— Пять минут, мисс Митчелл. — Режиссер окинул взглядом полки книжного шкафа. — Позвольте нам, когда закончим, сделать несколько снимков в рекламных целях?

— Сколько пожелаете. — Она будет только рада, если история ее жизни кого-то вдохновит и поддержит. Женщины должны осознать, какая сила в них заложена.

Рошель склонилась ближе:

— Возможно, у меня не будет позже возможности поговорить с вами, потому хочу сказать сейчас, что очень благодарна вам за поддержку. Осознание того, что вы пережили все, о чем пишете в книгах, невероятно вдохновляет. Вы очень крутая. Поднявшись на самую вершину, находите время протянуть руку помощи тем, кто еще в пути.

Гейл увидела, как сверкнули глаза молодой женщины, и что-то шевельнулось в душе от неприятного предчувствия.

В руке помощи никогда не было носового платка. Эмоциям не место в процессе четкого планирования жизни. Они мешают принимать решения и дурно влияют на тех, кто рядом. Все сотрудники Гейл знали, что в разговоре с ней нельзя допускать проявления эмоций.

Представьте мне факты, предлагайте решения, а от нытья избавьте.

Рошель этого правила не знала.

— В колледже мы часто повторяли, будто мантру: «Как бы поступила ГМ?» — Щеки ее покраснели. — Надеюсь, вы не против, что мы так вас называли.

Некоторые говорили, что ГМ означает Гениальные Мозги, другие — Гуру Менеджмента. А часть ее сотрудников поддерживала вариант Генетически Модифицированная, хотя никто не набрался смелости высказаться открыто.

Рошель продолжала изливать свое восхищение:

— Вы никого и ничего не боитесь. Вы многих из нас вдохновили тем, как строили свою жизнь и карьеру. И, сделав шаг, никогда не извинялись.

Почему она должна извиняться? Перед кем?

— Воспользуйся этой возможностью, Рошель. Мой ассистент передал тебе экземпляр новой книги?

— Да. С вашей личной подписью. — Девушке удалось немного обуздать свой пыл. — Замечательно, что ваш помощник — мужчина.

— Я беру на работу лучших. В случае с должностью личного помощника это Коул.

Гейл бросила косой взгляд на столы руководителей высшего звена ее компании. Личные кабинеты были только у нее и Билла Кина, остальные работали в общем помещении с перегородками, протянувшимися на всю ширину здания. Время от времени Гейл оглядывала свои владения — оазис за стеклянным фасадом — и думала: «Я создала все это сама, не имея ничего, кроме негибкой воли и страстного желания выжить».

Над одной перегородкой возвышалась лысая, похожая на блестящий шар, голова Саймона Белтона. Этим утром он появился в офисе раньше нее, чем заметно поднял ей настроение. Он был наделен отменным трудолюбием, но интересные, по-настоящему новаторские идеи появлялись у него редко. Соседнее место занимала Марион Лейк. Год назад Гейл наняла ее на должность руководителя отдела маркетинга, но сейчас все больше склонялась

к мысли, что совершила ошибку. Утром она заметила пиджак Марион небрежно лежащим на спинке кресла, это должно было показать, что хозяйка где-то в здании. Гейл недовольно поджала губы. Давая человеку шанс, она ожидала, что им воспользуются. Даже теперь, по прошествии многих лет, люди порой неверно ее оценивали. Неужели Марион думала, что оставленный пиджак станет для начальницы знаком, будто она уже в офисе? На столе нет стаканчика с кофе, а Гейл отлично знала, что он необходим Марион для работы. Кроме того, общая атмосфера в офисе походила на кладбищенскую. Марион говорила громко и имела раздражающую привычку высказываться часто — возможно, от избытка выпитого кофе. Будь она где-то поблизости, Гейл непременно бы ее услышала.

Иногда ей казалось, что из нее вышел бы превосходный детектив.

— Прямой эфир через три минуты, — сообщил кто-то из съемочной группы, и Гейл, устроившись поудобнее, изобразила на лице нужное выражение.

Она дала несколько сотен интервью, в том числе в прямом эфире, и уже не испытывала страха и паники. Едва ли ей зададут вопрос, на который она не отвечала множество раз. Если вопрос не нравился, Гейл просто отвечала на другой — она имела право выбирать, как во многих подобных случаях. Ведь ситуацией управляла именно она. Про себя Гейл напевала отрывок арии из оперы Пуччини, которую слушала неделю назад. Блистательно, драматично и, разумеется, трагично... Но такова жизнь, верно?

— Эфир через пять, четыре, три...

Мужчина выбросил вверх два пальца, потом один, и Гейл перевела взгляд на молодую женщину, надеясь, что ее вопросы окажутся интересными. Не хотелось бы в ней ошибиться.

Рошель заговорила уверенно и четко, глядя прямо в камеру.

— Привет, я Рошель Барнард, и я пришла в офис компании «Митчелл и партнеры» в центре Манхэттена, чтобы побеседовать с Гейл Митчелл — ГМ, как называют ее поклонники и сотрудники компании, — самой влиятельной и знаменитой персоной в мире бизнеса. Ее последняя книга «Труд, а не удача» в течение двенадцати месяцев занимала верхние строчки списка бестселлеров, а на следующей неделе выходит в свет «Новая сильная ты». Гейл Митчелл — одна из ведущих специалистов по управлению изменениями, также она известна своей неустанной благотворительной деятельностью. Настоящую славу она получила благодаря поддержке и мотивации, которую дарит женщинам. Несколько дней назад на торжественной церемонии здесь, на Манхэттене, ей была вручена престижная награда «Стар Эвордс» как самой вдохновляющей женщине делового мира. Примите мои поздравления, мисс Митчелл. Какие возникают ощущения, когда осознаешь, что твой вклад оценен обществом?

Гейл чуть склонила голову для лучшего ракурса.

— Разумеется, для меня это большая честь, но настоящая радость — помогать женщинам реализовать свой потенциал. Нам так часто говорят, Рошель, что мы не можем стать достойными соперниками мужчинам, и моя роль как победителя — подавать пример женщинам, побуждать их опровергнуть сложившееся мнение.

Гейл мило улыбнулась, желая продемонстрировать радушие и открытость.

— Вы известная защитница прав женщин на рабочих местах. Скажите, что вами движет?

Гейл с готовностью ответила, речь ее текла легко и гладко. Рошель задала еще несколько вопросов, ответы на которые прозвучали в том же тоне.

— Люди вас либо любят, либо ненавидят. Кажется, золотой середины не существует. Вас беспокоит, что некоторые считают вас безжалостной?

— Я строга и не собираюсь за это извиняться, — заявила Гейл. — Люди, которых задевает успех других, будут существовать всегда, как и те, кого пугают перемены. Я приветствую изменения. Без них прогресс невозможен, а он необходим. Перемены заставляют нас двигаться вперед.

— Ваша компания предлагает стажировку на самых щедрых условиях в отрасли. Вы также выплачиваете стипендии. Почему вы тратите на это деньги?

Потому что когда-то давно, будучи в полном отчаянии и одиночестве, она поклялась в будущем помогать каждому, кто оказался в подобном положении, если, конечно, на то будут возможности. Но эту мысль Гейл не высказала вслух. Такое признание может быть расценено как слабость. Да и поймут ли ее? Сидящая напротив женщина никогда не испытывала настоящего страха, а вот Гейл знает, как глубоко он может вонзаться в свои когти. Страх превращает человека в заключенного, лишает способности свободно действовать.

Отделаться от него непросто, но некоторым, самым достойным, Гейл была готова открыть секрет, как это сделать.

— Я считаю это инвестициями в будущее... — Гейл сказала еще несколько слов о том, какую роль готова сыграть в судьбе непривилегированной части общества, и увидела, как глаза Рошель засветились от восхищения.

— Многие считают, что вам просто повезло. Как бы вы им ответили?

Грубо.

Удача никогда не была благосклонна к Гейл. Она всегда тщательно выверяла каждый шаг, руководствуясь разумом, а не эмоциями. Ничего не происходило случайно. Она строила свою жизнь по четкому плану, и теперь та стала именно такой, о какой она мечтала.

— Людям проще повесить на человека ярлык «Везунчик», чем признать, что он добился всего благодаря внутренней

силе. Приписывая достижения удаче, вы умаляете роль личных качеств, а причина такого поведения — во внутренней неуверенности. Вера в удачу позволяет снять с себя ответственность. Чем бы вы ни занимались в жизни, каковы бы ни были ваши цели, главное — предпринимать активные действия. — Гейл повернулась на камеру. — Если вы недовольны жизнью, прямо сейчас возьмите лист бумаги и запишите все, что вам хотелось бы изменить. Не нравится, какой стала ваша жизнь? Так делайте что-нибудь! Завидуете кому-то? А обладают ли эти люди тем, чего нет у вас? Решите, как вы хотите жить! Подумайте, что надо сделать прежде всего, чтобы все изменить.

Рошель слушала и кивала.

— Ваша последняя книга «Труд, а не удача» изменила мою жизнь, и, я уверена, не только мою.

— Мы будем рады услышать вашу личную историю, — Гейл будто говорила со зрителями, вовлекая их в беседу. Она знала, что тысячи женщин по всей стране не отрываясь смотрят в экраны в надежде услышать то, что изменит их жизнь, словно по мановению волшебной палочки. Звонки телефона, просьбы детей, стук в дверь — все останется без внимания. В душе зародится надежда, легкое, словно мираж, видение счастливого будущего прогонит усталость и разочарование жизнью.

Разумеется, как только программа закончится, все вернется к своим делам, но сейчас взгляды прикованы к ней. Каждая слушает ее, ища поддержки и вдохновения.

— Рассказ о собственном опыте может подтолкнуть к действию многих. Мой подход к жизни годится для любой женщины, управляет ли она корпорацией или ведет домашнее хозяйство.

— Недавно я разорвала отношения, — неожиданно произнесла Рошель и нервно рассмеялась, будто не веря, что призналась в прямом эфире. — После того как прочла главу «Препятствия на пути к цели». Я составила список всего, что мешает мне достичь желаемого, и имя моего

парня стало первым пунктом. А глава о дружбе и ревизии друзей? Необходимо упорядочить контакты. Гениально! Спросите себя: «Помогает мне эта дружба приблизиться к заветной цели?» У меня вопрос к вам, ГМ: вы сами следовали своим советам?

— Разумеется. Мои книги, по сути, — план, по которому я создавала свою жизнь. Он подходит каждому. Главное, что можно вынести из моей предпоследней книги, — надо действовать, а не ждать милости от судьбы. Моя следующая книга «Новая сильная ты» посвящена преодолению страха перемен.

Ей удалось. Фразу о готовой к выходу книге не смогут вырезать, поскольку это прямой эфир. Издатель будет доволен.

— Я желаю каждой женщине — от бариста, подающей мне по утрам кофе, до сотрудницы, управляющей моими инвестициями, — стать хозяйкой своей судьбы. — Пристально глядя в камеру, Гейл выдержала паузу. — Ты сильнее, чем думаешь.

Рошель подалась вперед.

— Вы часто повторяете, что никому не суждено иметь все. Чем вы пожертвовали ради карьеры?

— Никаких жертв, только осознанный выбор. Надо четко понимать, чего ты хочешь. И уверенно добиваться этого, не жалея, не извиняясь.

— И вы никогда не испытывали сожалений?

Сожалений?

Гейл внутренне содрогнулась. Какие сведения о ней удалось добыть этой женщине?

Гейл выпрямилась и уверенно посмотрела в камеру:

— Никогда.

На этом интервью закончилось. Рошель отключила микрофон:

— Спасибо.

— Пожалуйста. — Гейл поднялась с места. — Как ты попала на телевидение?